

АНДРЕЙ СКАРЖИНСКИЙ

НА ВОЙНЕ И В ЛЮБВИ

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА

Андрей Скаржинский
На войне и в любви.
Фронтовые письма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20097655

ISBN 9785448300349

Аннотация

Эта книга – письма между моей мамой и отцом во время Великой Отечественной войны. Мама – Скаржинская (Сперисенко) Валентина Даниловна (Ольга, Михайлова О. Д.) и отец – Скаржинский Вадим Игоревич (Глеб, Радзиевский Г. И.). Имена в этой переписке мама ещё при жизни попросила меня опубликовать изменёнными именно в этом виде.

Содержание

Об авторе	6
Предисловие	7
Мама...	10
В ВВК Московского военного округа	13
Стихи-посвящения Валентине Даниловне Скаржинской	16
Письма	21
Конец ознакомительного фрагмента.	55

На войне и в любви
Фронтовые письма
Андрей Скаржинский

Посвящаю маме...

© Андрей Скаржинский, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Скаржинский Андрей Иванович, прозаик и поэт.

Член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Награждён государственными и общественными наградами. Заслуженный работник культуры России.

Неоднократно печатался в журналах «Поэзия», «Юность», «Молодая гвардия», «Свет. Природа и человек» и др.

Автор книг: «Небесное окно», «Записки кремлёвского целителя», «Главное о старом», «Разлохмаченные вёсны», «Бешеные ноги или танго с трюмо», «Глубина вечности», «Лечение юмором и драмой», «Следы из снега».

Предисловие

Эта книга – письма между моей мамой и отцом во время Великой Отечественной войны. Мама – Скаржинская (Сперисенко) Валентина Даниловна (Ольга, Михайлова О. Д.) и отец – Скаржинский Вадим Игоревич (Глеб, Радзиевский Г. И.). Имена в этой переписке мама ещё при жизни попросила меня опубликовать изменёнными именно в этом виде в книге.

Кровью обливается сердце, когда читаешь пропахшие порохом и духом войны эти письма. Письма войны и любви одновременно. С осени 1944 г. по весну 1945 г. Поистине, настоящие чувства проявляются и проверяются в экстремальных ситуациях. Великая Отечественная война рождала героев. Выявляла предателей и подлецов, чувства людей к справедливости обострялись. Люди были искренними. Было видно врага, было видно друга. Был предатель, который мог выстрелить в спину, а был и однополчанин, который фашисту за тебя мог перегрызть глотку. Была и откровенная ненависть, и настоящая дружба, и преданная любовь. Но был и страх, особенно в последний год войны, потерять уже на подступах к Берлину и Праге друг друга.

Особенно, когда и мама, и отец воевали на разных фронтах, но в письмах к друг другу объединялись и под пулями, и в высоких небесах в такой настоящей и естественной люб-

ви, что дай Бог нынешним и живущим в мирное время осилить такие же высоконравственные чувства.

В этой книге мной ничего не добавлено от себя и не придумано. Оригиналы этой трогательной переписки (1944—1945 гг.) бережно хранятся. К сожалению, некоторые письма, которые не вошли в эту книгу, исчезли ещё при жизни мамы. Но я их ищу и уверен, что найду. Потому что также уверен, что эта переписка мамы и отца, людей, безмерно преданных нашей великой Родине, особенно актуальна и в нынешнее не спокойное время.

Эта книга – это учебник любви, как на войне необходимо воевать, и как нужно и должно любить. Не случайно известный народный поэт Игорь Кобзев написал стихи о героической фронтовичке, вытащившей под фашистскими пулями из горящего танка четырёх танкистов. Стихотворение называется «Последний поцелуй» и посвящены Валентине Даниловне Скаржинской, моей маме.

Эти очень близкие 1941, 1942, 1943, 1944, 1945 годы, кровавые и смертельные. Эти годы никого не щадили. И убивали и юных, и не целованных, и старых, и молодых. А тот, кто выдержал ужасы войны, кто пронёс и сохранил сквозь пожарища и пепелища своё достоинство русского человека, любовь к своей стране и к людям, кто остался Человеком и не ожесточился, тот совершил нравственный подвиг. В той и нашей войне, в той и нынешней любви. По ту стороны России и эту. Тогда и сейчас. В войне и в любви. А мама все-

гда, даже после Великой Отечественной шла войной против несправедливости. И в жизни она гордо несла великое звание фронтовика, знамя сердобольности и милосердия.

Мама...

Мама – Скаржинская (Сперисенко) Валентина Даниловна (07.01.1926—16.01.1993)

Профессор, доктор философских наук АН СССР, заведующая Кафедрой института философии АН СССР, ведущая

телепрограммы «Москвичка».

07.1941—12.1941 – Старшая медсестра – Эвакогоспиталь 3354 Юго-Западного фронта

12.1941—06.1942 – Пропагандист – Эвакогоспиталь 3354 Северо-Западного фронта

06.1942—06.1945 – Помощник Начальника политотдела по комсомолу – Фронтовой эвакопункт №36 Северо-Западного фронта и 2-го Белорусского фронта

06.1945—12.1945 – Помощник Начальника политотдела по комсомолу – Второе Киевское Краснознамённое училище самоходной артиллерии им. Фрунзе, звание: капитан.

Правительственные награды:

Орден «Красная Звезда» 28.10.43 №0871, Северо-Западный фронт, орденская книжка №951691

Орден Отечественной войны II ст., 1979 г.

Медаль «За победу над Германией» – Указ Президиума Верховного Совета СССР от 09.05.1945 г.

Служебное положение (по Удостоверению НКО – СССР):

Год и приказ: 08.07.1943 – Лейтенант, младший политрук Северо-Западного фронта. Помощник Начальника политотдела Северо-Западного фронта по комсомолу. №0164/1

Год и приказ: 24.08.1943 – Старший лейтенант, Помощник Начальника политотдела Северо-Западного фронта

ВЫПИСКА из приказа войскам Северо-Западного фронта

№0164/п от 08.07.1943 г.

Сперисенко (Скаржинская) Валентина Даниловна – лейтенант, исполняющая должность помощника начальника политического отдела фронтового эвакуопункта №36 по работе среди комсомольцев, утверждается в занимаемой должности.

Командующий войсками СЗФ Генерал-лейтенант Н. Курочкин

Член Военного Совета СЗФ Генерал-лейтенант Ф. Боков
Начальник штаба СЗФ Генерал-лейтенант А. Боголюбов
ВЕРНО. Инструктор Политотдела ФЭП – 36 СЗФ по учёту партийных и комсомольских документов Старший лейтенант Шаповалов

В ВВК Московского военного округа

В связи с возникшей необходимостью считаю своим долгом подтвердить известные мне эпизоды, которые произошли в декабре 1941 года и где-то в конце августа 1943 года на Северо-Западном фронте. Как докладывал мне в декабре 1941 года бригадный комиссар седьмой танковой бригады Н. В. Шаталов, в бою один из наших танков был подбит вражеским снарядом и загорелся. Из горящего танка молоденькой медсестре Вале Скаржинской удалось вытащить всех танкистов. К сожалению, выжили только двое: Владимир Мельничук (командир) (теперь работает Начальником цеха завода «Калибр» в Москве) и Зуфар Алиев (директор электромеханического техникума в г. Андижан). Полковник Ротмистров П. А. (теперь, генерал), командующий тогда седьмой танковой бригадой СЗФ, об этом эпизоде подтвердил в книге «Время и танки», а поэт Игорь Кобзев написал стихи, посвящённые Валентине Даниловне Скаржинской.

Самая ближайшая к передовой станция Парфино подверглась бомбёжке вражеской авиации. В это время там находилась санлетучка фронтового эвакуопункта – 36, которая принимала раненых. В результате налёта несколько ва-

гонов охватило пламенем. Присутствующая там помощник начальника ФЭП – 36 по работе среди комсомола старший лейтенант В. Д. Скаржинская приняла энергичное участие в спасении раненых. При этом получила ранение, как говорят, осталась в строю, от госпитализации отказалась, что в общем-то для фронтовиков было типичным явлением.

Этот случай мне врезался в память ещё и потому, что на сентябрьском совещании 1943 года политсостава фронта наш начальник Политуправления Генерал-майор А. Д. Окороков, говоря в своём докладе о доблести политработников, рассказал об этом. Зал аплодировал присутствующей миловидной и молоденькой Валентине Скаржинской. Это запомнилось, ибо на всём нашем фронте она была единственным политработником такого уровня, да ещё в столь раннем возрасте. Ведь Валя ушла на фронт добровольно в первые дни войны со школьной скамьи, прибавив себе года, предьявив в киевском военкомате паспорт своей старшей сестры.

Хочу подчеркнуть и то, что Валентину Даниловну я знал по работе в Политуправлении, которому Политотдел ФЭП-36 непосредственно подчинялся. Наши политуправленцы гордились ею, уважали её за патриотизм и преданность Родине.

И последнее. В мирные годы В. Д. Скаржинская стала Доктором наук, профессором. Она верна фронтовому ветеранскому товариществу, членом Совета которого является многие годы.

Инструктор Политуправления Северо-Западного фронта
в 1942—1943 гг. полковник В. Кислинский.

Подпись т. Кислинского В. С. подтверждаю. Военный ко-
миссар Ленинградского РВК г. Москвы 03.02.1992 г.

Стихи-посвящения Валентине Даниловне Скаржинской

Игорь Кобзев (В. Д. С.)

Первый поцелуй

Попал под пули взвод
У жаркой переправы,
И, раненый в живот,
Упал солдат на травы.

– Воды! Глоток воды! —
Над ним сестра склонилась.
А солнце с высоты
Гранатой вниз катилось!..

Знал молодой боец:
Другой зари не будет,
Рассветных туч багрец
Его уж не разбудит!

А он цветов не рвал!
И не был в дальних странах!
И ввек не целовал
Девичьих губ румяных!..

– Сестричка! Не бинтуй!..
Пришёл конец мне, видно!..
Ты лучше поцелуй,
Чтоб не было обидно!..

– Сейчас, солдат, сейчас!
Терпи! – она шептала
И в жизни первый раз
Мальчишку целовала.

Тот первый поцелуй
Был не в тени беседки —
Во вражеском тылу!
Под пулями! В разведке!

Тот первый поцелуй
Высоких слов достоин:
Ведь как тут ни толкуй,
Он целой жизни стоил.

Андрей Скаржинский

***

А мама моя бывала в аду,
В горящем котле круговерти,
На страшной войне, в зачатом году,
В году сорок – вечном от смерти.

Когда было некуда падать свинцу,

В горящую чёрную смуту,
Метнулась сестричка к танкисту – бойцу,
Где смерть заждалась на минуту.

Солдат прошептал окровавленным ртом:
«Я не был любовью балуем,
Сестричка, сейчас, я умру, а потом,
Укрой ты меня поцелуем».

Невинной девчонкой сестричка была,
Тогда не до этого было,
С её поцелуем любовь – умерла,
Красивых война не любила.

Мама

(7.1.26—16.1.93)

Когда весь мир – одна слеза,
Когда душе Вселенной мало,
Легли снежинки на глаза —
И стало вечным слово – Мама.

Склонились молча дерева
К земле, что с мамой разлучала.
И поседевшая трава
По нам обоим заскучала.

Письма

Глеб – Ольге

12 ноября 1944

Дорогая моя!

Еще несколько слов тебе сегодня же.

Как всегда – здоров, всё в порядке. Грохот кругом прежний.

Проклятое место, проклятая погода. С неба летит сразу всё – и снег, и дождь, и туман, и ещё чёрт знает, что. В результате – грязь по уши. Не располагает к веселью эта подлая Погодина, темные ветреные ночи; да ещё вдали от тебя.

Ну, ладно. Хватит киснуть. Писать больше некогда.

Жду твоих писем.

Целую крепко, крепко.

Глеб

Ольга – Глебу

12 ноября 1944

Дорогой Глеб!

Получила сразу три письма от 15, 17 и 25.

Прочла и, как и полагается, в следующую минуту уже начала думать, а что теперь с тобой? Ведь письма идут так дол-

го. За это время всё могло случиться... Вот такая логика. Но это вообще. А то, что с тобой ничего не случилось, я убеждена, я верю!

Софья Павловна просила сообщить тебе, что у тебя осталась ещё шляпа, так что можешь не волноваться. Это, видимо, в ответ на твои не очень мудрые рассуждения, что ты вернешься без тряпок, в одной гимнастёрке. Глупый ты, глупый, нашел какими мыслями голову себе забивать! Главное, чтобы ты вернулся живой и только. Я ведь тоже такой же солдат, как и ты. Правда, кроме гимнастёрки, у меня ещё военные платья есть. Очень даже прилично стали нас девушек в армии одевать. Но такими проблемами я в мечтах о прекрасном послевоенном будущем голову не забиваю. Ну, трудно будет сначала, ну холодно-голодно сначала, ну и что?.. Будем трудиться, будем учиться, мало, что ли, у нас сил? И к трудностям нашему поколению не привыкать.

Родной мой человек, ты только непременно вернись!

А Софья Павловна пишет (как о чём-то, что в порядке вещей): «Вам надо будет на несколько лет уехать поработать в провинцию, пока обживётесь». Милая Софья Павловна, она абсолютно уверена в том, что мы будем вместе.

Глеб, дорогой, прошу тебя не в первый раз, не называй, пожалуйста, меня самой лучшей девушкой в мире и прочими такими эпитетами. И даже не думай так обо мне. Меня это здорово смущает. И к тому же, это далеко не так. Я уже не раз тебе писала: обыкновенная русская девушка, хуже, чем ты

думаешь. Не надо меня придумывать. Возвращайся скорее – увидишь.

Ты пишешь о том, какое влияние имели на тебя эти месяцы моего молчания. Глебушка, может быть, этот «карантин», как ты это называешь, тоже был не лишним. Мне кажется, если бы ты заблуждался в своих чувствах, ты не стал бы больше писать после такого перерыва. Но ты писал и пишешь, и письма твои ещё нежнее, ласковее и, честно говоря, дороже мне.

И не бойся ты, что мне надоест читать твои письма, слушать о твоей любви. Все это уже, кажется, не на шутку стало для меня необходимым.

Праздники мы здесь провели скромно, в боях. Тем более, что у нас опять погибло много прекрасных ребят. По-моему, в этой войне больше всего потерь среди танкистов. Я не успеваю всех своих комсомольцев запомнить в лицо, как они уходят. Это – ужасно. И не могу привыкнуть к похоронам их. Каждый раз клянусь, что не зарастут тропки к их могилам, что их именами мы назовем своих детей, что будем помнить о них в будни и в праздники, в горе и радости, помнить вечно.

Глебушка, милый, пиши почаще матери. Вот ещё отрывок из её письма, задумайся над ним: «Напиши Глебу, что привязалась я к тебе так, что никогда не отстану, что никуда и никогда не оставлю тебя (даже если ты оставишь Глеба). Напиши ему, что ты для меня то же самое, что и Олег,

и Глеб – хочешь верь, хочешь нет. А может быть и больше. Всю жизнь я чувствовала себя глубоко одинокой. Только дети составляли всю радость мою, но разве дети спросили хоть раз меня, голодна ли я, не холодно мне? Так, общие слова. А теперь у меня есть ты, которой действительно не безразлична моя судьба.

Ты не обижайся ни на неё за её слова, ни за то, что я их цитирую тебе, ни за мои советы, но подумай над этим и пока, ну пожалуйста, хоть пиши ей чаще. Привет твоим друзьям.

Целую.

Ольга

Глеб – Ольге

15 ноября 1944

Дорогая моя!

Здоров. Всё идёт нормально. Война остается войной, личное – личным. Проклятое место – грязь, болота – плохо ходит почта, и твои письма – большая редкость. Жду их каждый день, рад – до бесконечности каждому листочку твоему. Пиши больше о своей боевой деятельности. Впрочем, о приобретении для мамы кастрюль и чайников мне тоже было интересно читать. Меня начинают интересовать и такие вещи. Думаю, начать обучение – жарить, варить и пр. здесь, чтобы явиться к тебе вполне компетентным в этих вопросах.

Успехи на фронтах радуют невероятно. И то, что мы вносим в них наш вклад, волнует и даже наполняет чувством

гордости.

В общем всё хорошо, и надеюсь, что в будущем будет ещё лучше. Правда?

Я не представляю себе, что со мной будет, когда я получу, наконец, возможность сказать – еду. Настанет ли это счастливое мгновение?

Очередное моё стихотворение напечатали в «Комсомольской правде».

Привет всем. Обнимаю и целую.

Глеб

Глеб – Ольге

17 ноября 1944

Здравствуй, счастье мое!

Да, я опять себя ловлю

На неосознанной тревоге.

Вчера опять своим «Люблю»

Ты догнала меня в дороге.

Ты любишь. Ты моя, моя...

Так почему же в дымный вечер

Перед костром тревожусь я?

О чем? Не сразу я отвечу.

Мы часто говорим о вас,

Солдатские невесты наши;

Разлучены ведь не на час

Мы с вами. Срок разлуки страшен.

Три полных года, три весны!
За это время – знаем, верим
– Какие не приснятся сны,
Какая весть не стукнет в двери!

Но чтобы полной жизнью жить
И счастье чувствовать глубоко,
Умей же верности служить,
Как мы, солдаты, без упрека.

Нам верность, как закон, как долг,
Как клятвы заповедь святая.
Когда боец приходит в полк,
Её он сердцем принимает.

И не она ль сквозь злую тьму,
Сквозь непогодь, по гололеди
Указывает путь ему,
Ведёт его, ведёт к победе.

Это стихотворение, шестое за неделю, я тоже отправляю в «Комсомольскую правду».

Скучно, грустно – от тебя нет писем. Знаю, что не ты виновата, что сам виноват – залез так далеко, что к нам и дорог порядочных нет. Вот наш аккуратный почтальон – Зайчонок – и возит только местные газеты. Всё надеюсь, что –

как уже бывало – получу несколько писем сразу. Побольше бы, чтобы потом долго-долго наслаждаться, перечитывая их, жить полной жизнью.

Завтра начинается, кажется, настоящая война. Кончается наш коротенький полу отдых. Хочется уже доколотить последних гадов, может потом хоть немного отдохнём по-настоящему.

Можно много писать об этой приевшейся войне, но не охота. Мне кажется, что ещё годика три после окончания её мне тошно будет вспоминать эти суровые годы. А потом – будем писать мемуары.

Только одно – самое главное, самое важное, существенное – в эту суровую годину я нашел тебя, или мы нашли друг друга. И май 43 г., лето, зиму 43—44 г., август 44 г. (да! и август 44 г.!), и 19 октября – это я вспоминаю ежедневно и буду потом вспоминать всю жизнь.

Иногда страшно становится – когда подумаю обо всей этой «истории с географией», когда вспомню, что всё началось с газетной статьи, моего письма, написанного так, наобум в редакцию «Комсомольской правды», когда представлю себе, что не напиши я того письма – я может так и не узнал бы своей роднушки, не нашел бы своего счастья. Наверное, так и только так должно было быть. И я, как старый магометанин, только лишний раз получил подтверждение своей вере в «фатум» – судьбу.

А сейчас хочется верить, что скоро кончится это лихое

время, всё будет хорошо, и наконец увижу я свою дорогую Роднушку. Так должно быть.

Хоть одним глазом взглянуть бы, как ты поживаешь, чем занята, как выглядишь сейчас. Представляю себе картину – Ваше с Ал. Ос. чаепитие должно быть достойно Рубенса.

Чёрт возьми! Надоело, ох и надоело писать эти: «надеюсь», «хочется», «скоро» и т. д. Разве этими сухими, скупыми словами можно выразить всё, что на душе.

Ну вот, опять зовут. Я безмерно люблю тебя, дорогая.
Твой навечно

Глеб

Глеб – Ольге

18 ноября 1944

Здравствуй, дорогая моя!

Всё в порядке. Здоров, живу твоими письмами и любовью. Ну и надеждами вперемежку с мечтами.

Временами грустно становится – уж очень хочется скорее к тебе, очень мне надо тебя повидать. И вообще мне очень-очень много кое-чего надо.

Ты не обижайся, что я сам определяю название твоим чувствам ко мне, хотя ты и избегаешь слова «любовь». Я так много мучился неизвестностью, неопределенностью, что наконец сказал себе: хватит. Перечитал твои письма (что делаю постоянно, особенно, когда нет новых), поразмыслил над твоими такими дорогими и так долго ожидаемыми мной

словами «дорогой», «милый». Конечно, такие слова, вообще говоря, особенно ни к чему не обязывают: мы их часто пишем просто знакомым, просто друзьям. Но это «вообще говоря». Когда же они появились в твоих письмах, после такой длительной переписки и у такой сдержанной и скромной девушки, как ты, то позволь мне быть самоуверенным – ну не случайно же ты столько месяцев меня успокаиваешь и столько времени и бумаги (хотя и намного меньше, чем я) на меня извела? – и самому определить твое чувство, как любовь.

Я понимаю, что если даже всё так, как я – самонадеянный чурбан – полагаю (я стараюсь в это верить), то тебе это слово всё равно трудно произнести. Ты – зрелый политработник, но ещё далеко не зрелая женщина. Так что, если я иногда прибавляю что-нибудь за тебя – ты уж меня, дурака, извини.

Слово «жду», тоже можно писать любому фронтовику, с которым переписываешься. Но я в него, решив не терзаться, вкладываю тот смысл, который мне нужен как воздух, то содержание, без которого я не просто не вернусь с этой проклятой войны, но без которого мне с неё даже не захочется возвращаться. И незачем.

О грохоте, шуме, стрельбе и пр. писать не стоит. Надоело до чертиков. Да ты и сама всё это видишь и слышишь постоянно вот уже четвертый год. Все чувства, впечатления от них притупились, и теперь каждый день так похож на другой... Нет уже той особой новизны, нет свежих ощущений – всё

идет по-старому. И всё разнообразие, всё новое, интересующее, увлекающее – в твоих письмах, в тебе.

Кроме твоих писем – абсолютное молчание. Молчит Тбилиси, Сталино, Якутия, молчат полевые почты. Почему – аллах только ведает. Пишу всем ругательные письма, злюсь и все напрасно. Сегодня всем отправляю по открытке – и basta. Будут молчать – тем хуже для них.

Роднушка! У меня к тебе большущая просьба. Дело в том, что я тоже начал шагать по твоим стопам – нужна «История ВКП (б)». Если есть возможность – пришли пару. Благодарность от всех твоих коллег – политработников нашего полка. А то в наших дебрях не то что Историю ВКП (б) найти невозможно, а и газеты иногда отсутствуют.

Привет всем. Тебя целую крепко, крепко, обнимаю, желаю здоровья, успехов.

Твой Глеб

Глеб – Ольге

18 ноября 1944

Роднушка моя дорогая!

Ты извини меня – положи руку на сердце, скажи, не смущают, не стесняют тебя ничем и ни в чём письма моей старушки? Знаю – сейчас на мою бедную заблудшую голову низвергнутся гром и молния, но всё равно – семь бед, один ответ. Приеду, отдам тебе на вечное и полное владение повинную свою головушку: казни или милуй.

Знаешь, мама мне такое написала! «Столько тепла и добра, как от своей невестки, мне в моей жизни ни от кого видеть не довелось». Не сердись на неё за то, что она тебя уже окрестила невесткой. Написал и жалко стало... тебя. Честное слово, даже сердце заболело. Вот уж поистине: без тебя – тебя женили. Бедная моя, бедная. Одно успокаивает: в любую минуту ты вольна и меня и всю мою родню послать... подальше.

Я чувствую, что с твоей добротой – если не будет рядом того, кто будет эту доброту укрощать – ты всю жизнь способна прожить для других. А ведь многие постараются это использовать. Подумай над этим.

Письма мамы после того, как вы познакомились, как ты, говоря прямо, взяла над ней шефство или опеку – не знаю, как назвать – дышат покоем, полны юмора и признательности к тебе.

Если бы ты знала, сколько покоя, радости принесла ты мне, сколько тревог, сомнений отогнала. Ведь у меня теперь осталась одна работа – кончить фашистов и к тебе. Остальное, верю, все будет хорошо. Легко живётся на свете, легче воюется, когда знаешь, что любят, ждут. Ей богу, я иногда сам себе завидую.

Что немного смущает: во-первых, почему ты худеешь. Придется разработать тебе распорядок дня и потребовать точного выполнения. Всё гоняешь своих комсомольцев (или наоборот)? Ты их там поразгонишь, они с перепугу еще бро-

сят свои танки и к нам в пехоту подадутся. Серьёзно – дело всегда остается делом, но, роднушка, не забывай, что ты мне необходима, что твое здоровье очень нужно мне.

И второе – все те же, иногда мрачноватого оттенка мысли о будущем. Что ни говори, они не могут не шевелиться под моим поредевшим чубом. Что это за мысли, каким представляется мне мое ближайшее будущее – ты приблизительно знаешь. А с другой стороны – уверенность в том, что раз ты будешь со мной, значит все будет хорошо – не покидает меня. Иначе быть не может.

Столько чудесных картин грезятся, когда думаю о нашей встрече, о нашей – нашей, а не моей, жизни. Разве можно рассказать, описать. Не хочу и пробовать. Только все эти мечты, все грезы отдал бы за одну минуту встречи.

Когда же, когда? Никто не знает. Может скоро, может ещё полгода-год (в вашем, историческом понятии, это тоже скоро). Похоже на испанскую инквизицию или на муки ада – там тоже наверное испытывают терпение таким же путем. Говорят, разлука усилит радость встречи. По-моему, уже достаточно. А ты как думаешь?

Ну, Роднушка дорогая, пожелай мне успехов.

Завтра начинается война. Все, конечно, будет хорошо.

Твой Глеб

P.S. Знаешь, что я написал Олегу? Ругаться не будешь? Написал, что «я проиграл наше пари и женюсь, вернее женился, раньше тебя». И еще: «а с другой стороны, я выиграл,

потому что полюбил лучшую девушку в мире, и она ответила мне тем же, как это ни странно для тебя. За что, не знаю».

Чувствую, как ты тянешь меня за уши, но, ей богу, не больно.

Всегда твой.

Глеб – Ольге

19 ноября 1944

Здравствуй, дорогое моё солнышко!

Не пугайся, пожалуйста, я не буду расписывать оба эти здоровенных листа (других нет), боюсь надоем. Я по-культурному – половинку испишу.

Сегодня получил твои письма. Значит опять порядок. Порядок и в делах и, главное, в голове и на сердце.

Знаешь, у меня всегда праздник, когда получаю письма с таким знакомым адресом, написанным такой знакомой рукой. Что бы ни творилось в это время на передовой.

Я тут было раз мечтался и представил, как мы идём с тобой по нашему Киеву, по его тихим улицам, мимо парков, можно по дороге зайти на старика седого взглянуть, как он катит свои волны... Подняться к каштанам на Владимирскую горку... В общем, Оленька, прогуляла бы ты лекции в Университете, это уж точно!

А насчёт того, что я буду жив, тут вопрос решён. Ведь мы решили так, ведь ты ждёшь меня, ведь мне надо обязательно

приехать к тебе. О чём тут ещё речь может быть?

И всё-таки многое беспокоит. Моя несостоятельность, главным образом. Мама пишет: дрова, рамы, овощи... – Каррраул! Оленька, ты спроси у мамы – какой я хозяйственник, что я понимаю во всех этих вещах? Будет кто-то бедный, и, наверное, я. Сыграть в футбол, волейбол – вот, пожалуй, всё, на что я способен. В остальном – порядочный лопух. Я с ужасом думаю, что надо постигать эту сложную науку. А ведь там и ещё посложнее вещи пойдут? Мама, роди меня назад! А ведь надо. Придется быть Вашим примерным учеником (только предупреждаю, готовь уже сейчас хорошую палку).

Неужели ты так редко получаешь мои письма. Я пишу последнее время обыкновенно через день, чаще – каждый день. Сейчас есть такая возможность, и я пользуюсь ей и пишу ежедневно. Может и мои письма задерживаются из-за дорог, как и твои – тогда дело другое. Ну уж тут я не виноват.

Хорошо вам с Ал. Ос. сидеть и рассуждать. А я и порассуждать не имею полной возможности – не с кем. О войне, о боях, о прочей надоевшей дребедени – не пишу. Сама все знаешь. А с друзьями – неохота, а вот о тебе, дорогая, любимая, – не с кем. Плохо. И опять надежды – приеду, нарассуждаемся.

Мне так хочется к тебе, что даже не знаю, с чем сравнить это жгучее, страстное, временами мучительное, желание. Только, известно, невозможно пока это.

И ещё – права ты – сам бы я смог попасть к тебе – наверное став бы дезертиром, в часть не вернулся. Это, конечно, шутка, ни ты, ни я не позволили бы себе этого, но уехать от тебя опять – это было бы выше человеческих сил. Так что встречу приходится отложить.

Странно звучит – всё отдал бы, чтобы увидеть тебя и – лучше пока на время нам не встречаться. Странно, но так и есть. Так уж странно построена эта жизнь наша.

От ребят – тебе горячие приветы, поклоны. Они – мои ближайшие друзья, – очень хорошо знают тебя. Много переживают со мной вместе, когда долго нет от тебя ничего. И двое – самые мои близкие – Николай Кузьмич и Федька Семенов – те уже составляют планы: как будут гулять на нашей свадьбе (вот черти!), как мы с тобой будем приезжать к ним в гости. В общем – самые радужные, счастливые и весёлые мечты. Не скрою – достаётся мне от ихних злых язычков, но ничего кроме удовольствия при этом не испытываю. Николай Кузьмич особенно от тебя в восторге. Ты, кажется, покорила его капитанское сердце, и я кроме восторженных отзывов о тебе ничего от него не слышу. Знаешь, временами даже ревность шевелиться начинает.

Да, кстати, почему ты не написала – ни мне, ни им – получила ли ты их какое-то ехидное письмецо с карикатурами, в основном, конечно, на меня. Но и себя они не пожалели. Так вот, имей в виду, что карикатуры на меня недалеко от оригинала рыжего лопуха. Очень испугалась?

Теперь о другом рыжем лопухе – не о калининско-литовско-латвийском, а о дальневосточно-якутско-золотоносном. Сидит в своей тайге, золото в мешок собирает и откачивается что-либо понимать. Пошли ему от меня телеграмму: «Женился. Завидуй. Всё равно лучше Оленьки не найдёшь, хоть всю Сибирь свою перекопай. Рекомендую – женись на якутке». Длинно получилось, ну, что-нибудь в этом роде. А от своего имени, роднушка, напиши: «Жена Глеба. Уже и палку приготовила, жду только его самого. Маму вашу после войны заберу. А вы с Глебом можете и не приезжать вовсе, воюйте себе на здоровье или кирпичи собирайте ещё хоть три года». Ну, или ещё что-нибудь, что тебе может больше нравиться. Пиши всё, что хочешь, я ему ничего «такого», как тогда, стесняясь мамы (фу, противно вспомнить), не писал, а недавно написал всё довольно подробно и точно.

Тоскливо ему, бедняге. Он там совсем полысел уже. И стал, наверное, ещё более замкнутым, серьёзным. Но, я надеюсь, только бы нам собраться – мы его расшевелим. Мне написал Андрей, что Клава – невеста Олега – замуж грохнулась. Крепко! Вот тебе и пятилетняя верная любовь. А, впрочем, не мы первые, не мы и последние. Конечно, Олегу это известие не по нутру придётся, ну да всё к лучшему. Честно говоря, любил он некую Азу, ещё в школе, оставил её из-за излишней щепетильности. Думаю, он и сейчас её любит. А Клава, без преувеличения, сама сохла по нём, довольно настойчиво добивалась его дружбы. И вот – итог.

Я ему посоветую найти себе любимую с помощью писем. Пусть строчит ежедневно сотни по три во все концы, а потом сортирует и выбирает. Только пусть и не надеется, что ему так же улыбнется счастье, как и младшему отпрыску рода Радзиевских. Ничего не выйдет, потому что второго такого друга он не найдёт не то что на здешней земле, а и на Луне. Да-с!

А вообще я тебе серьёзно скажу – сейчас я абсолютно уверен: письма, знакомство на расстоянии дают возможность значительно лучше узнать душу человека, проверить себя, свои чувства, чем встречи при луне. Да ещё, когда оба – на фронте, а кругом война.

Все лодырничает, совсем не пишет. Боюсь, что она и пирожки разучится печь так, как она их когда-то пекла. Правда тогда обычно я и Олег здорово ей помогали (в основном тем, что съедали их). Ты, Олюшка, пошли ей «Капитал», пусть к моему приезду изучит как следует. Может она ещё экономистом будет?

Ты пишешь об осени в ваших краях. Ну, о нашей осени я и писать не хочу, такая она противная. Правда, надо находить красоту во всём, и особенно в природе, в ней всё красиво. Но, на что уж я любитель природы, и то, должен сказать, ей богу очень мало красоты в этой непролазной грязи, противном дождике, да еще со снегом... А может это зависит от настроения? Наверное. Ручаюсь, будь ты со мной – какой бы милой показалась бы мне суровая Латвия.

Спасибо родным и Ал. Ос. за память и приветы. Привет им и пожелания всего наилучшего. Как дела у Александры Осиповны? Передай ей, что наш союз остаётся в силе, что скоро мы сможем единым фронтом вести планомерное наступление на некоторых военных комсомольских работников, не ценящих свое здоровье ни на копейку и, как она мне написала, «расходуящим себя и своё здоровье без остатка на дело, которому служит, и на людей, которыми дорожит». Я ей тоже написал.

Вот и кончились эти два огромные листа, больше бумаги нет. Наболтал три короба. Целое сочинение на вольную тему. Закругляюсь.

Как видишь – здоров, настроение хорошее. Вчера хныкал, сегодня – после твоих писем – смеюсь – в общем, как погода прибалтийская. Дела идут успешно.

Приветы здоровые всем, всем.

Крепко обнимаю, целую много-много раз. Здоровья, радости, успехов тебе, дорогой мой человек.

Навсегда твой Глеб

Глеб – Ольге

20 ноября 1944

Любимая моя!

Сто раз перечитал твоё письмо от 19 октября. Одно-два заветных, полных тепла листочка – хранится на моём сердце. В нём самое дорогое, что есть в моей жизни – твоя лю-

бовь. Я несмело предполагал о её существовании и раньше, но всё же – 19 октября не будничнй день, а день моего большого счастья, праздник для моей любви.

Я не могу описать, рассказать тебе словами о величине своей любви. Пытался не раз, получается бедно. Могу весь этот лист исписать одним словом – люблю... Но разве тебя это устроит?

Ты уже знаешь всё, что я хотел бы сказать тебе. Ты должна знать, должна своим хорошим, большим сердцем чувствовать, как рвусь я к тебе всем своим существом, как велико чувство моей любви к тебе. Что вся моя душа, вся моя жизнь – всё принадлежит тебе, связано с тобой, невысимо без тебя.

Ты знаешь, но я каждый день готов писать об этом вновь и вновь, кричать, рассказывать каждому встречному – говорить, что я люблю самую лучшую девушку под Луной и над Луной, что она готова делить со мной горе, радости, что я готов отдать ей всё-всё, что у меня есть: от моей чести и совести до самой жизни.

Временами чувствую себя совершенной дубиной – всё вылетает из головы, остаётся одно: Олюшка ждёт меня. И ходишь, как теленок – готов поделиться своим счастьем даже с теми, кто и в друзьях не числится. Оленька, радость моя, сокровище бесценное, за что свалилось на меня такое счастье? За что столько тепла расходуешь ты на меня, мало тебя достойного. И как я благодарен моим дорогим старикам, что

воспитывали нас в духе понимания долга и чести – я могу прямо смотреть в твои дорогие очи – я не лгу перед тобой, я не запятнал в прошлом своей совести ничем, что могло бы бросить хоть малейшую тень на нашу любовь. Это в прошедшем. А за будущее, за то, что до смерти я ни одного женского имени не произнесу с любовью, кроме имени Оленьки, я тем более совершенно спокоен.

Ты часто, как только я имею возможность забыть немного о войне, приходишь ко мне – нежная, любящая, такая хорошая, хорошая. И эти минуты – самые дорогие в моей сегодняшней жизни. Как ни тяжело, но приходится довольствоваться малым. Знаю, это все пустяк по сравнению с тем огромным, увлекающим, всепоглощающим, что ждёт впереди. Но пока – твои письма и мои мечты – в этом вся жизнь.

Не знаю, что ещё писать, настолько бедные слова, настолько беден наш язык по сравнению с тем, как я тебя люблю.

Олюшенька, ведь я тебя до смерти зацелую, только когда, когда?!

Будь здорова, радостна. Успехов в делах твоих желаю.

Целую хоть в письме

Твой Глеб

P.S. Знаешь ещё мое сокровенное желание? Не рассердишься, ругаться не будешь? И не говори никому. Иметь сына и дочурку. Пацан будет футболистом. Только, как мы их назовём? Вот о чём болит голова у дурня, скажешь.

Всё тот же навсегда твой Глеб

Глеб – Ольге

23 ноября 1944

Родная моя!

Жив, здоров, как всегда. Не писал уже два дня, да и сейчас много писать не смогу и ей-богу некогда. Идёт такая свистопляска, что ни черта не поймёшь. Доколачиваем проклятых фашистов!

Жду от тебя многих писем, так как долго не было. Грустно без них. Пиши подробнее всё-всё. Как будет времечко – сразу напишу побольше.

Привет всем.

Крепко-крепко обнимаю и целую.

Навсегда твой Глеб

Глеб – Ольге

24 ноября 1944

Родная моя!

Немножко поуспокоилось – до утра. Сижу, дежурю; написал Олегу здоровенное письмо, черкнул по паре слов товарищам. Тебе хотелось бы передать так много, всё, что еще порой гнетёт, всё, что заставляет иногда тосковать... передать тяжесть ожидания и радость, большую радость сознания того, что меня ждут... Много хотелось бы передать, не могу,

не умею.

Читаю Смолича... Оленька, помнишь одно место: «А ещё... вот что для меня сделай: когда только сможешь, дозвожь... полюбить тебя. Только, чтобы всем сердцем, всей жизнью своей тебя полюбить. И ты за это полюби. Полюби так, чтобы в тебе она как сумасшедшая была. Чтобы любила тебя без памяти, без сознания... Можешь?»

Как хорошо сказано и как созвучно моим чувствам.

Я уже писал, что сейчас драка у нас идет не на шутку. Наши пушкари день и ночь хлопают над ухом изо всех калибров; фриц отвечает и в общем почти непрерывно стоит такая «симфония», что голова сейчас почему-то напоминает мне бочку или ведро пустое (что, впрочем, неудивительно – сходство какое-то есть).

Твоих писем нет... Жду, жду... Чёрт возьми, когда я уже буду ждать только в границах час-два (пока, скажем, Оленька придёт из Университета или пока сам где-нибудь не освобожусь); это ожидание терпимое – подождал часок, знаешь, что сейчас увидишь Роднушку; именно сейчас увидишь. А тут ждёшь – может, полгода, может, год, а может и совсем не придётся увидеть. Неважное такое ожидание.

Получил одно письмо из Киева. Наша «географша» Клава Грицюк сейчас на III-м курсе. Хорошая девушка, только одна беда – ещё до войны нашла что-то хорошее в рыжем футболе. Ну, старое осталось... На целой странице растолковывал ей всю «нецелесообразность» такого поведения, расска-

зал, что женился на киевской дивчине. Думаю, что немножко остынет девочка. Не хвалюсь такими «победами», просто считаю, что ты должна знать всё, что касается меня.

Если я буду писать ещё, напишу много глупостей. Откровенно говоря, устал, сказывается на настроении. Боюсь испортить его и тебе – кончаю.

Приветы всем. Тебе – здоровья, успехов.

Обнимаю и крепко, крепко целую

Глеб, твой ныне, присно и во веки веков

Глеб – Ольге

25 ноября 1944

Роднушка моя дорогая!

Получил сегодня твое письмо «аж» от 28.10. Где оно странствовало? И почему только одно... Почему не каждый день по десятку?

Всё подсмеиваешься – «последнее, последнее»... Чертёнок ты в юбке, если бы ты знала, как ты измучила меня, во что мне обошёлся этот несчастный месяц, а точнее – все три месяца сомнений и догадок. И все эти «последние» письма. Много приходилось читать и слышать о таких вещах, но мало понимал и верил. И когда попробовал на своей шкуре – вай, вай! Страдания молодого Вертера показались мне детской шуткой. Ей богу! И если ещё будешь твердить, что я редко пишу маме и брату из-за тебя – плохо тебе будет, не посмотрю, что ты на целых четыре ранга повыше меня.

Кстати, сегодня мне досталось от ребят: всё шутят. Читал нашей братве «Красноармеец» (я часто устраиваю громкие чтения, только вот «Кобзарь» не все понимают). В журнале опубликована миниатюрка «Суровое утро». Читала? Смеялись?

Я читал и думал думу: придётся и мне вытягиваться и подзаправляться, как и этому герою. Может ещё и выговоров, нарядов отхвачу от старшего лейтенанта. А? Ты как думаешь? Бедная моя головушка, перепадёт ей. Я хоть и дисциплинированный вояка, предупреждаю: будешь здорово гонять, удеру к Олегу. Там уж не поймаешь. А, впрочем, Аллах поможет мне.

Наверное, ты уже получила мое письмо, где я просил послать телеграмму Олегу за моей подписью. Если предложенные варианты не подходят, рекомендую ещё один: «Женился. Жена Ольга и т.д.» (конечно, если ты ничего не имеешь против такого текста).

Хорошо бы, если бы ты послала и от своего имени: «Имею в перспективе несчастье быть Вашей родственницей. Глеб уже забежал в Латвию. Готовлю для него хорошую палку, он готовит уши и предусмотрительно лысеет изо всех сил. Рекомендую приготовить свои уши». Сразу поймёт. А вообще – я серьёзно очень хотел бы, чтобы ты телеграфировала ему обязательно. Он тоже, как и я, «недогадливый», а мне очень хочется, чтобы он о тебе имел максимальную информацию. Авось, и тебе пути назад не будет, отрежу такой телеграм-

мой. Вот так-то! Совсем тебя женили бы, а?

Здоров. Только редко ты меня радуешь письмами. Война у нас громкая, шумная. Проклятый фриц туго поддается нашим довольно резонным доводам – и «Катюшам», и «коробочкам» типа КВ, ИС и ваших Т-34, только слушается, когда добирается до его боков наша братва – пехота. В общем, свалка большая.

Спасибо твоим за привет. Танечке напиши, что обязательно сделаю из неё геолога (футболист, к сожалению, из неё не выйдет).

Здоровенный привет им всем, союзнику моему – Александре Осиповне – особый.

Обнимаю и целую столько раз, «сколько в мешке прося» (по выражению майора Ливень – есть у нас такая достопримечательность).

Оленька, пиши чаще. Ещё раз повторяю: пока ты меня ждёшь, я бессмертен.

Твой Глебушко

Глеб – Ольге

4 декабря 1944

Любимая моя!

Прости, давно не писал. Война, война и война. Спасибо тебе – ты одна не забываешь, остальные молчат. Аллах или судья – мне собственно, никого и не надо – была бы ты со мной. Ты, наверное, уже получила мои письма с излия-

ниями. За последний P.S. не сердисься? Олька, ведьма рыжая, моя любовь иногда делает меня глупым-глупым. Правда? Ладно, увидимся – буду держать ответ за все. Поладим?

Что слышно от Олега? Послала ты ему телеграмму? Понял ли он, дубина, что мы тут на фронте с тобой натворили? Как твоя работа?

Как поживает плеяда твоих поклонников, о которых ты не пишешь, но о существовании которых я предполагаю. Им привет и сочувствие. Удивительно, они меня совершенно не беспокоят. Больше беспокоят маму: может потому что тот полковник показал ей кого-то из них «живьём»? Что пишут тебе из нашего Университета? Когда я уже доберусь до него.

Для «комсомолки» исписал блокнот. На днях отправлю.

Пиши, родная, жду. Будь счастлива, здорова, удачлива. Крепко целую.

Твой Глеб

Глеб – Ольге

8 декабря 1944

Оленька, родненькая моя!

Два дня не был дома, рекогносцировали новый район. На этот раз случилось большое несчастье. С нами был старый – еще с 42 г. – товарищ, капитан Матвиенко. Рубаха парень, бывший морячок, мой хороший друг. Погиб, бедняга. Занесло нас чуть ли не на нейтральную зону, и проклятый снайпер тяжело ранил его. Пять часов лежали мы с ним и ещё

товарищем Калмыковым (их обоих Черкасов прекрасно знает) под сгоревшим танком. Начало темнеть – вынесли его. В дороге скончался.

Знаешь, дорогая, мне пришлось видеть много смертей, много товарищей, друзей умирали на моих глазах. К этому нельзя привыкнуть, но всё же относишься более спокойно, чем в начале войны. Но на этот раз меня перевернуло наизнанку.

Вот сейчас пришёл домой, устал, порядком вымок, а главное – до сих пор не могу себя, как следует, взять в руки. Прибегаю к единственному, что может успокоить – к тебе, любимая моя.

Перечитывал твои милые письма, долго смотрел фотографии (какая всё-таки ты худенькая, Оленька моя дорогая; я так не хочу). И легче на душе стало. Кстати, и письмо твоё – от 5. II, и Щедрин с Байроном подросли. Спасибо, роднушка.

Снова думаю, какое это большое счастье – любить, иметь такого друга, как ты. Не будь тебя, к кому бы я мог обратиться со всем, что на сердце, на душе? К маме? Ей всего не напишешь. Олег – мой бывший поверенный, далеко. Судьба послала мне тебя – мою радость, моё счастье, мою любовь. И сколько сил, энергии, сколько жажды к жизни вызываешь во мне ты. Хороший, бесценный друг мой.

Так же, как и ты, не имею ни малейшего желания пользоваться услугами почты и впредь. Предпочитаю общение

с живыми людьми. Ты обещаешь при встрече всё сказать. Боюсь, что я тебе ничего не скажу. Тем более, что ты словам не веришь, письма у тебя больше в доверии (есть в этом что-то). Я тебе ничего говорить не буду и когда приеду. А то ещё разлюбишь!

Наверное, я бы не сказал тебе так много, если бы имел счастье сразу с тобой говорить. Ты слушать не стала бы, а я произносил бы фразы о погоде, луне, геологии и кончилась бы вся эта история тем, что прогнала бы ты меня с глаз долой. Я, так же, как и ты, рад, что мы узнали друг друга в письмах.

Теперь я знаю, что ты вовсе не такая строгая, как кажешься на фотокарточках (и не только), только не знаю, хватит ли у меня храбрости расцеловать тебя так, как об этом мечтается. Наверное, нет. В письмах, мечтах я здорово храбрый, а на самом деле – не знаю.

Голову свою я никуда не подставляю. Она сама иногда подставляется. Но чем я гарантирован, что в тебя тоже не попадает кусок железа?

Ещё маленькое объяснение – «Федька». Видишь – у меня большинство товарищей люди или уже в годах или моего возраста (тоже в годах). А некто Федор Федорович Семенов – помоложе меня на целых пять лет. Вырос паренёк хороший, с хорошей честной, упрямой натурой. Но в отношении, так сказать, житейском – сплошная наивность. Ругаемся мы с ним напропалую – это я его воспитываю, но и друзья мы – водой не разольёшь. Характер у него бурный, деятель-

ный, парень всё время ищет истины, ищет прямых чистых путей в жизни, за тебя – помнишь? – чуть не «врезал» мне по его терминологии. Но где найдёшь эти прямые, чистые пути в наших условиях? Кругом кровь, смерть, о прочем – и не говорю. Вот и мучается. А «Федька» – это любя, это проклятая привычка, так дорого мне стоившая. Если Черкасов ещё на вашем фронте бывает у вас в политотделе, расспроси у него о нас, Прокофьевиче, Ник. Кузьмиче, Федьке, о Фёдоре Егоровиче Олькове – он их хорошо знает. Будешь иметь полное представление о том, в каком обществе я вращаюсь.

Хорошая моя, сегодня ограничусь этим. Сейчас вместо ручки вооружаюсь другим оружием и начинаю громить фрицев. Проклятые, сколько горя принесли они на нашу землю.

Будь здорова, родная. Обязательно тебе поправиться надо. Обо мне не волнуйся, пока ты меня ждёшь, все будет хорошо.

Крепко, крепко целую.

Твой Глеб

Ольга – Глебу

10 декабря 1944

Дорогой Глеб!

Премного благодарна Вам, сударь, за утешение – обещание праздновать с нами I мая. Глеб, милый, куда же это годится?

Я тебя, черта рыжего, ждать, конечно, все равно буду (никуда от тебя не денешься), но имей же и ты совесть!

Новый год – так и быть – встречу без тебя, а больше – нет, не согласна.

Совершенно ясно, что и в день моего рождения – в январе 1945 – мы не встретимся. (Между прочим, родилась я, оказывается, в один день с Олегом. Только ровно на 10 лет позже. Так сообщила мне Софья Павловна). Значит, праздник по случаю моего 19-летия отменяется до лучших времен, да и какой праздник сейчас, когда столько крови льётся и ещё столько битв впереди.

Глеб, живой ли ты и целый вот в эту минуту? Конечно, живой – ведь я по-прежнему жду. Жду всё сильнее.

Всё, всё что я скажу, знакомо для тебя
От слова и до слова,
Но что и в сотый раз повторено любя,
Всё, как и в первый, ново!
Пусть счастье на тебя навеет голос мой,
И я – ждать счастья буду.
Моё-то счастье: стремиться за тобой
Мечтой крылатой всюду.
И если ласточка твоих одежд
Края затронет, – оглянуться.
Поторопись и верь:
То попыталась я
Твоей руки коснуться.
Если дни подошли,

Когда достались нам
Лишь слёзы, но однажды, —
Поделим! Я возьму все слёзы,
И отдам тебе в удел – надежды...

Телеграммы, которые ты мне рекомендовал послать Олегу, я естественно не послала. Не послала никаких. Мои телеграммы свою роль уже сыграли: соединили тебя с Олегом и мамой, Олега – с тобой и мамой, маму – со своими сынками. Теперь уж сами объясняйтесь. В этом – обойдётесь и без меня.

Поздравляю тебя, родной мой человек, с наступающим и, конечно, прекрасным Новым годом – годом, который – в этом уже не может быть никакого сомнения – принесет долгожданную победу. Желая здоровья и счастья, как всегда.

Никол. Кузьм. и всем друзьям передай мои новогодние поздравления и самые хорошие добрые пожелания. Пусть никого из них не коснётся сомнение в том, что его ждут.

Тебе привет и поздравления от Александры Осиповны и всех, кто о тебе знает или догадывается. Как им не догадаться, глядя на мою переписку: ведь почти все мои политотдельцы – старые большевики, разведчики и конспираторы ещё с дореволюционных времен.

А я крепко тебя целую (хоть ты и рыжий).

Пиши ещё больше.

Ольга

Ольга – Глебу

10 декабря 1944

Глеб, здравствуй ещё раз!

Только что в штабе встретила генерала Вовченко. Помнишь, я тебе писала, что, когда была гостем Политуправления КВО, меня попросили взглядом фронтовика посмотреть на комсомол только что вернувшегося из глубокого тыла училища самоходной артиллерии (почти танковое). Там в это время уже был назначен новый начальник училища – этот самый генерал Вовченко, фронтовик.

Он, видимо, мужик толковый. Сам приехал отобрать себе курсантов. А может и какие-нибудь другие дела занесли его к нам – не знаю. Меня встретил как добрую старую знакомую и даже напомнил, что в ПУ КВО обещали – не без его, оказывается, участия – назначить меня на работу в Политотдел его училища, против чего он не только не возражает, а наоборот: готов сейчас увезти с собой в Киев. У него очень добрые отношения, если не сказать дружба с маршалом бронетанковых войск Ротмистровым. Вместе они воевали под Сталинградом, под Белгородом и Харьковом, участвовали в Курской битве, в битве за Днепр, в Корсунь-Шевченковской операции, так что их дружба сомнений не вызывает. Маршал Ротмистров сейчас заместитель командующего бронетанковыми и механизированными войсками Советской Армии. И генерал Вовченко брался за день решить во-

прос о моём переводе.

Ты, конечно, догадываешься, что я ему ответила так же, как и ребятам из Политуправления КВО: только после того, как дойду до Берлина.

Но я подумала о тебе. Ты ведь, честно говоря, в своём настроении дошёл до ручки. Иногда меня пугает твоё состояние. К тому же ты уже столько прошагал, вымок в болотах, мёрз в стужи, война же идет к концу. И поскольку тебе не даёт покоя буквально беспризорное состояние Софьи Павловны, не попытаться ли сделать что-нибудь для тебя?

Конечно, я не рассказывала ему о подробностях нашей дружбы, и он достаточно тактичный человек, чтобы не задавать лишних вопросов. В основном я говорила о матери. Он все понял так, как следовало понять. И тут же загорелся, особенно, когда узнал, что ты футболист. А вообще он, кажется, из людей моего типа: каждому рад помочь, даже если его не просят. Обещал, если удастся, прямо отсюда с фронта связаться с маршалом, и в моем присутствии в нашем штабе (сама видела) диктовал уже письмо маршала Ротмистрова твоему командиру (чтобы Ротмистрову осталось только подписать, – говорит).

Генерал производит впечатление очень оперативного, толкового и очень человеческого и порядочного военачальника, следовательно, что начинает – доводит до конца. И без проволочки. Так что поскорее собирай свои пожитки, если, конечно, всё это тебя устраивает. Если нет – можешь отка-

заться. Никто в претензии и настаивать не будет. Кстати, оговорен и вариант, что в училища при первой возможности он тебя сразу отпускает на все четыре стороны, а точнее: кончать Университет. Главное, ты будешь ближе к маме, а там – решай сам.

Обнимаю.

Ольга

Глеб – Ольге

12 декабря 1944

Радость моя!

Пишу только два слова – больше, ей-богу, не могу. Получил от командования несколько неопределенное обещание после этой серии боев отпустить меня на 3—4 дня в «Комсомольскую правду». За некоторые мои успехи. Ну и капитан Григорович помог. То и дело скажет: «Смотреть на тебя жалко». Но чаще изрекает: «Противно на тебя смотреть». Смогу ли я за эти дни найти тебя на твоём фронте? А главное, роднушка, ведь я если приеду, то, наверное, не найду в себе силёнок вырваться от тебя. Честное слово. И придётся или брать тебя с собой (на это я никогда не соглашусь, мне всегда кажется, что у тебя спокойнее дело) или разорваться пополам – половину оставить на вашем фронте, половину – сюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.